
Даниил Жайворонок

**«СОЛИДАРНОСТЬ
СО ВСЕМИ УБИЙЦАМИ ДРЕССИРОВЩИКОВ!»:
ДЕСУБЪЕКТИВАЦИЯ И ДЕИНДИВИДУАЛИЗАЦИЯ
ПОЛИТИЧЕСКОГО В ЗОО-ОСВОБОДИТЕЛЬНОМ ДВИЖЕНИИ**

Зачастую анализ политического действия вращается вокруг попытки определения того, кто является (или кто может являться) его субъектом. Таким образом, базовое предположение заключается в том, что политические акторы могут быть определены с достаточной точностью. Более того, эти акторы, хотя и могут различаться между собой, обладают обычно «неотъемлемой» характеристикой субъекта – человечностью. Центральным для данной статьи является противоположный тезис о том, что возможны формы политического действия, подрывающие представления о субъекте как необходимом основании. Этот феномен становится наиболее очевидным, если мы обращаемся к тем активистским практикам, которые предполагают вовлечение тех, кто лишен субъектности в привычном понимании. Например, к практикам зоо-освободительного движения. В первой части статьи, опираясь на работы Мишеля Фуко, Сильвии Федеричи и Джоди Дин, автор предпринимает попытку наметить генеалогию современного политического субъекта и показать, почему представления о субъекте как необходимом основании политического действия могут быть проблематичными для эмансипаторного проекта. Во второй части через подход, совмещающий теоретические наработки Жюлья Делеза и Феликса Гваттари с квир-теорией, анализируется несколько кейсов зоо-освободительного движения. На основе этого открывается возможность анализа политического как сборки, осуществляющейся на разных уровнях и не всегда предполагающей субъекта в качестве центральной фигуры.

Ключевые слова: политический субъект, эмансипация, зоо-освободительное движение, квир-теория, не-человек

Даниил Жайворонок – докторант, Европейский Университет в Санкт-Петербурге, Россия. Электронная почта: dzhajvoronok@eu.spb.ru

«До тех пор, пока у льва не появится собственного летописца, героем всегда будет охотник»¹, – так звучит африканская поговорка, которую приводит Джейсон Хрибал в своей книге (Hribal 2010). В ней он собрал разнообразные истории «сопротивления животных», рассказывая о том, как слоны отказываются выступать в цирке, обезьяны убегают из клеток, тигры нападают на дрессировщиков. Складывается ощущение, что Хрибал хочет, с одной стороны, расширить понятие политического, распространив его и на животных, а с другой – сохранить его структуру и, прежде всего, представление о субъекте как необходимом основании политического действия. Другими словами, он готов признать существование политики животных, но только если эта политика не противоречит традиционным схемам мышления о политическом.

Что, если принять предпосылку, что животное лишено субъектности? Будет ли это означать, что оно тем самым исключается из политики? Или же возможны такие формы политического, в которых наличие субъекта не является обязательным условием? И если они возможны, то как мы можем их представить?

На уровне теории еще более важным аспектом подобной проблематики, в определенной мере ее определяющим, является озабоченность тем, возможна ли эмансипационная политика, в центре которой не находится субъект с той или иной идентичностью. Подобная озабоченность зачастую связывается с постмодернистской и деконструктивистской критикой субъекта. Например, Фредерик Джеймисон обосновывает ее тем, что новые формы субъективности, характеризующиеся «свободным перемещением и имперсональностью и, как правило, управляемые своеобразной эйфорией» (Jameson 1984: 64), ставят под вопрос традиционные формы левого политического сопротивления (Pelligrini, Puar 2009). Более артикулированно эта позиция представлена у Тода Мэя, одного из ведущих теоретиков постанархизма, который анализирует возможности политического действия в условиях *non-human-turn* (May 2013), к чему относятся и некоторые исследования эволюционировавшего антиидентитарного направления квир-теории (Barad 2012; Birke et al. 2004; Giffney, Hird 2008; Luciano, Chen 2015). Мэй утверждает, что горизонтальное протестное политическое действие основывается на солидарности, которая, в свою очередь, предполагает, что все участницы и/или участники движения способны делать определенные «предположения» и должны быть, по крайней мере, «говорящими существами». На этом основании он приходит к заключению о невозможности политики без субъекта, с неизбежностью являющегося человеческим субъектом.

Центральным для данной статьи будет противоположный тезис о том, что определенные формы политики, подрывающие представление о субъекте как основном акторе, все-таки возможны. Более того, можно утверждать,

¹ Здесь и далее перевод автора.

что попытка задать границы нормы для политического субъекта неотделима от одновременной нормализации сферы политического, где лишь определенным образом организованные действия считаются имеющими значение и являющимися политическими в подлинном смысле. Это приводит к тому, что те формы протеста, которые (сознательно или нет) не вписываются в такую норму или направлены на ее подрыв, зачастую остаются исключенными из пределов видимости политической теории (Blaug 1999).

Производство субъекта

Субъективация индивида

В своем генеалогическом проекте Мишель Фуко связывает появление современного типа субъекта с возникновением новой формы властных отношений – дисциплинарной власти. Она характеризуется тем, что достигает эффекта посредством создания централизованной индивидуальности (Фуко 2007). Новая техника власти «классифицирует индивидов по категориям, характеризует их через их собственную индивидуальность, привязывает их к их идентичности <...> Эта форма власти трансформирует индивидов в субъектов» (Фуко 2006: 167–168). Стать субъектом означает подчиниться истине о себе, предоставленной как через объективные, внешние классификации, так и через идентичность, доступную в интроспективных актах самопознания.

Как показывает в своей работе Сильвия Федеричи (Federici 2009), производство субъектов, описанное у Фуко, неразрывно связано с формированием новых отношений колониальной, гендерной и экономической власти, а также с трансформацией режимов воспроизводства и сексуальности. Так, производство женщины как особого типа субъекта обусловлено появлением целого ряда институтов и процессов, таких как брак, законы о наследовании, первоначальное накопление капитала и колониальные завоевания. В конечном итоге женщина оказывается не просто подчинена, но встроена в функционирование и воспроизводство отношений власти, делающих возможным ее существование. Именно поэтому феминистское движение, в основании которого лежит представление о женской идентичности, подвергается критике внутри самого феминизма:

...юридические формы языка и политики, репрезентирующие женщину как «субъект» феминизма, сами являются дискурсивными формациями и эффектами данной версии политики репрезентации. И феминистский субъект оказывается дискурсивно сконструированным той самой политической системой, которая, как предполагается, должна способствовать его эмансипации (Butler 1999: 4).

Другими словами, феминизм, основанный на представлении о женщине как о субъекте, опирается именно на те механизмы легитимации и репрезентации политических акторов, которые воспроизводят существующие

отношения власти, отводящие женщинам подчиненное положение. То же самое может быть сказано и в отношении ЛГБТИК-движения¹.

Как отмечает Джасбир Пуар, проекты, направленные на признание различных идентичностей, могут служить инструментом для уменьшения «эпистемологического насилия», делающего невидимым пересечение линий угнетения и положение исключенных групп. С другой стороны, увеличение и включение различий оборачивается проблематичной «реинвестицией в гуманистического субъекта», который может различаться по содержанию, но остается тем же самым по форме (Puar 2012: 55). Трин Мин-ха (Trinh 1986) ввела понятие не-апроприруемых других (*inappropriated others*), чтобы указать на тех, кто не вписывается в рамки понимания субъектности, идентичности и политики, заданные господствующим западным дискурсом. Другими словами, концепция Трин Мин-ха позволяет осознать, что сама форма западного субъекта не является универсальной, но предполагает наличие определенных исторических отношений власти, формирующих и поддерживающих границы субъектности, отделяющих все то, что в них не входит. Таким образом, сохранение субъекта как центральной точки политического ведет к постоянному воспроизводству линий исключения тех/того, кто/что не соответствует критериям субъектности.

Индивидуализация субъекта

Другую перспективу для рассмотрения техник формирования субъектов предлагает Джоди Дин (Dean 2016). Анализируя подход Альтюссера, она задается вопросом не о том, как происходит интерпелляция индивида, в результате которой он/она становится субъектом идеологии, а почему субъект оказывается интерпеллирован именно как индивид. Главный тезис Дин заключается в том, что именно индивидуализация субъектности является главным продуктом работы буржуазных идеологических аппаратов:

Индивид – продукт европейского Нового времени, форма, посредством которой коллективная экономическая мощь политически огораживается таким образом, чтобы она способствовала своей собственной эксплуатации (Dean 2016: 371).

В этом отношении интересна ее реинтерпретация классического примера интерпелляции, предложенного Альтюссером: полицейский окликает прохожего безликим «Эй, ты», и в тот самый момент, когда прохожий оборачивается, он оказывается подчинен властному аппарату и произведен в качестве субъекта. Дин трансформирует ситуацию, настаивая на том, что очевидным референтом данного примера для Альтюссера был вовлеченный в протесты Париж 1968 г. В этом случае уже важнее то, что интерпелляция, оклик полицейского, направлен на индивидуализацию субъекта, вырвав его

¹ Лесбиянки, геи, бисексуалы, трансгендеры, интерсексы, квир.

из аффективного множества протестующих. Стратегия власти заключается в раздроблении единого и опасного тела неуправляемой толпы на атомы отдельных индивидуальностей, поддающихся учету и контролю.

Индивидуализированный субъект, «освобожденный от естественных связей», представляется в конечном итоге «не результатом истории, а ее исходным пунктом <...> данным самой природой» (Маркс 1958: 709–710). При этом субъект модерна «освобождается» не только от человеческой коллективности, но также и от связи с нечеловеческим. Техники производства субъективности, характерные для капитализма, как утверждает «Невидимый комитет»,

отделяют человеческие сообщества от бесчисленного количества вещей – камней и металлов, растений, деревьев, имеющих тысячи целей, богов, джиннов, диких и прирученных животных, лекарств и психоактивных веществ, амулетов, машин и всех прочих вещей, совместно с которыми человеческие группы составляют миры (The Invisible Committee 2004: 30).

Таким образом, современный индивид-субъект является продуктом двойной артикуляции (Делез, Гваттари 2010: 69) – индивидуализации субъекта и субъективации индивида. Именно поэтому важна попытка представить другой вид политики, политики двойной дезартикуляции, в которой бы одновременно открывались перспективы преодоления границ индивидуальности и отказа от центрального положения субъекта. Именно такую перспективу можно обнаружить в антиидентитарной квир-теории, где проводится различие между територизирующими практиками, конституирующими идентичность, и практиками, избегающими подобной територизации (O'Driscoll 1996: 36).

Политика без субъекта

С помощью антиидентитарной квир-теории возможно рассмотреть иные конфигурации политической активности, обычно остающиеся в тени и незаметные в рамках более традиционных подходов. Мы предлагаем посмотреть на радикальные зоо-освободительные группы¹ как на пример политического движения, одновременно проблематизирующего господствующие техники субъективации и индивидуализации и намечающего возможность альтернативных форм действия и солидарности. Большинство таких групп представляют собой тайные союзы, с постоянно изменяющимся количеством участников, которое может варьироваться в зависимости от собственной активности группы, количества связей с другими подобными организациями, вовлеченности членов в иные политические организации и проекты. Среди них есть

¹ Радикальные зоо-освободительные группы выступают за немедленное и полное освобождение животных от эксплуатации. Среди прочего совершают акции прямого действия, непосредственным результатом которых становится такое освобождение.

группы, объединенные в международные сети: например, *Animal Liberation Front (ALF)* и *Earth Liberation Front (ELF)*. На счету этих объединений тысячи акций, такие как поджоги лабораторий, уничтожение личного и корпоративного имущества, нападение на офисы и отделения фирм, имеющих отношение к эксплуатации животных, вандализм, освобождение животных с ферм, из лабораторий, цирков, зоопарков (Loadenthal 2013; Del Gandio 2014). Существуют также локальные группы, которые могут функционировать относительно долго или распадаться после совершения нескольких акций.

Большинство зоо-освободительных групп декларируют свою приверженность анархистским принципам, считают своими врагами не только индустрию, эксплуатирующую животных, но и государство, и капитализм. Также они выступают против любых форм репрезентационной политики, и все их акции построены на прямом действии, исключая медиацию¹ (Loadenthal 2013; Del Gandio 2014). Как правило, активисты публикуют коммюнике с описанием своих действий. В силу закрытости групп тексты коммюнике являются практически единственным материалом, доступным для анализа.

Для начала кратко рассмотрим несколько примеров. 9 января 2013 г. в Бристоле группа анонимных активисток предприняла относительно скромную атаку: ее объектом стал тюремный транспорт (проткнули шины и разрисовали кузов). В выпущенном коммюнике говорится: «Совершая это небольшое нападение, мы держали в своей голове всех заключенных – животных и людей» (Nostate 2013). В том же году канадская ячейка *ALF* взяла на себя ответственность за поджог полицейской машины, припаркованной неподалеку от мехового магазина, которая, по мнению поджигателей, находилась там, чтобы запугать или взять с поличным активистов антимехового движения. Их коммюнике заканчивается словами: «Не заблуждайтесь, это война. Это война против меха. Это классовая война» (Puget sound anarchists 2013). Члены французской ячейки *ALF* продолжают:

Движение за освобождение животных всегда было и всегда будет антифашистским. Мы не будем мириться с расизмом, сексизмом и гомофобией, и это одно из основных убеждений всех тех людей, которые участвуют в нашем движении (Directaction 2013a).

Обнаруживаемая в этих текстах связь между заключенными, женщинами, гомосексуалами, представителями небелых рас и непривилегированных классов и животными может показаться в лучшем случае просто наивным смешением разнородных проблем, производимым по недомыслию, а в худшем – воспроизведением господствующего дискурса, где маргинализация одной группы осуществляется за счет атрибутирования

¹ Более подробно про прямое действие и анархизм см. (Graeber 2009:201–238). В контексте данной статьи интересно замечание Дэвида Гребера, что прямое действие, описываемое в альтерсервианских терминах, подразумевает систематическое отрицание интерпелляции.

ей качеств другой угнетенной группы. Тем не менее мы предлагаем рассматривать это смешение как отказ от воспроизведения позиции стабильного субъекта, отделенного от всего, что им не является, четкими рамками собственной субъектности и индивидуальности. Его место здесь занимает фигура, аналогичная образу киборга, описанного Донной Харауэй: он «возвещает не отгораживание людей от других живых существ, но тревожную и приятную возможность их спаривания» (Харауэй 2005).

Интенсивные ликование и экстаз, вызванные нарушением границ субъектности, можно найти в тексте *Bash Back!*, инсurreкционистской, квир-анархистской группы, опубликовавшей коммюнике в 2010 г. по поводу нападения касатки Тиликума на дрессировщицу Доун Браншо, что повлекло ее смерть, во время выступления в дельфинариуме:

Автономная ячейка *Bash Back!* призывает к солидарности с морским преступником Тиликумом!.. Мы считаем нападение на Доун Браншо актом социальной войны. . . Тиликум уничтожил то, что уничтожало его, трансформировав свое коммодифицированное тело в орган машины войны. . . Аффект его телесного восстания помог нам осмыслить возможности материализации наших основных желаний. . . не-человеческие политические заключенные. . . организовали инсurreкционистское движение морских животных, направленное на уничтожение всех форм угнетения. *Bash Back!* должны быть союзниками в борьбе животных за освобождение, так же как и против религиозного права, которое на протяжении столь долгого времени криминализировало тела квириков и касаток. . . время для освобождения морских животных настало. Солидарность со всеми убийцами дрессировщиков! (*Bash Back!* 2010; цит. по: Loadenthal 2012).

При интерпретации этого текста прежде всего стоит обратить внимание на то, что *Bash Back!* не стремятся описать действия касатки как угнетенного субъекта, протестующего против своего низведения до статуса объекта (что было бы характерно, например, для зоо-освободительного движения, сосредоточенного вокруг стремления добиться признания статуса животных как субъектов и наделения их правами). Скорее, они хотят вообще избавиться от субъектно-объектной дихотомии, само существование которой воспроизводит деление мира на категории и классификации и закрепляет за тем, что обозначено как объект, более низкий, подчиненный статус. Онтологию, основанную на этой бинарной оппозиции, Леви Брайант описывает как субъектоцентризм, представляющий собой монархию человека по отношению ко всем остальным вещам (Bryant 2011: 40).

Трансформация касатки Тиликума, превращающегося в машину войны, скорее, напоминает об образе бога войны и божества – «машине войны» Индре, описанном Делезом и Гваттари:

Он, скорее, что-то вроде чистого, лишённого меры множества, стаи, он – некоторое вторжение эфемерного и мощь метаморфозы. . . Он показывает, что *furor* – противостоит мере, скорость – тяжести. . . машина – аппарат. . . Он свидетельствует о других отношениях с женщинами,

с животными, ибо видит любую вещь лишь в отношениях становления (Делез, Гваттари 2010: 589).

Отличие Индры от других богов (и отличие «восставшего» кита) состоит в том, что он не занимает определенного места в божественном или онтологическом пантеоне и находится вне юрисдикции божественного права. Внезаконность бога войны до известной степени симметрична статусу квир как нарушающего границы установленного «извращенца», наделимого в юридическом дискурсе зловещим ореолом монструозности и норовящего выйти за пределы уже нерелигиозного, но такого же священного, закона экономики удовольствий, буржуазного социального порядка и воспроизводства рабочей силы (Puar, Rai 2002: 119).

Этой незаконности квир и касатки противостоит фигура дрессировщика – фигура власти, метафора производства одомашненных и покорных тел, над которыми осуществляется предельный контроль как над индивидуализированными субъектами, изъятыми из своего жизненного мира и превращенными в голую жизнь (Агамбен 2011). Это относится не только к лишенной свободы касатке, но и к жизни многих квир-форм, регулярно сталкивающихся с проявлением агрессии. В этом случае агрессия рассматривается не только как реакция на определенную, ненормативную, идентичность, но и как одновременно формирующая эту идентичность сила: насилие служит не только для охраны, но и для установления, определения и переопределения границ.

Так, дрессировщик символизирует не только функцию дисциплины и надзора, но и производства. Животность, так же как и квирность, является не сущностью, но деланием, процессом (Birke et al. 2004), поэтому роль дрессировщика заключается не просто в тренировке, но в производстве касатки как домашней, игривой, послушной, контролируемой, индивидуализированной, отделенной от других касаток и океанического мира; в производстве индивидуализированного субъекта, отделенного от других субъектов, тел, удовольствий, игр, предметов. В некотором смысле можно говорить о том, что предельной задачей дрессуры является заставить собственный объект соответствовать его классификации, его понятию, его месту в онтологии и социальном порядке и, таким образом, свергнуть его в одиночество принудительной индивидуализированности.

То же самое, согласно интерпретации Виржини Депант, происходит и с героем известного голливудского сюжета Кинг-Конгом (Депант 2013: 43–45). Обитающий на заброшенном острове, отклонившемся от генеральной линии эволюции, он представляет собой форму жизни вне категорий и классификаций, без гендера, без сексуальности, нарушающую границы человеческого и животного. Одним лишь своим существованием в качестве реликта мира фантазии и невыразимого удовольствия он представляет угрозу власти дисциплины, подсчета и разума. Поэтому его нужно приручить, посадить на цепь, привезти в город, привить ему гендер, но принудительное одомашнивание провоцирует ответную ярость

Кинг-Конга, пытающегося взломать систему собственного угнетения с помощью насилия и хаоса.

Бунт Кинг-Конга, как и бунт Тиликума, имеет аффективный характер: это бунт уставшего от дисциплины тела, бунт против дрессуры, нормализации, контроля, насилия, субъективации и классификации, бунт, в котором «животность и жизненность животного радикализируются до такой степени, что они бесконечно преодолевают теории и категории, которые пытаются ухватить их» (Marder 2006: 50). Именно с таким бунтом солидаризируются *Bash Back!*, и этот жест солидарности открывает возможность для видения политики, пространство которой не занято определенным субъектом, но открыто для становления, объединений и альянсов гетерогенных акторов. В качестве возможного примера такой политики можно рассмотреть текст коммюнике анонимного коллектива зоо-освободителей, описывающий совершенную ими акцию:

Мы подошли к меховой ферме и залегли в высокой траве, так, чтобы можно было заметить любое движение в помещении охраны. Когда мы убедились, что в нем пусто, мы перерезали цепи, скреплявшие забор из рабицы со столбами, а затем сорвали большую часть забора с задней стороны фермы и открыли передние ворота. Мы выпустили примерно 750 норок и 50 лис. Казалось, что лисы практически понимают, что происходит, потому что как только они осознали, что они на свободе, животные не теряя времени выбрались из клеток и выбежали через сделанную нами дырку в заборе. Когда на ферме зажглись огни, мы начали быстро срывать племенные карточки и разбрасывать их вокруг пустых клеток, а затем ретировались через кукурузное поле вместе с шумной группой норок, впервые ощутивших вкус свободы. Мы не остановимся, пока эта и все остальные меховые фермы не будут свободными! (Directaction 2013b).

В отличие от манифеста *Bash Back!* этот текст написан в более конвенциональной манере. Постоянно подчеркиваемая коллективная идентичность анонимных «мы», по-видимому, указывает на определенную и различимую позицию субъекта. Кроме того, описывается вполне рациональное поведение активистов, пытающихся осуществить задуманное максимально эффективным и безопасным способом. Тем не менее здесь есть несколько моментов, объединяющих этот текст с манифестом *Bash Back!* и многими другими коммюнике радикальных зоо-освободительных групп.

Прежде всего, стоит отметить внимание к объектам, пространству, телесным движениям и проявлениям: именно здесь, посреди окружающей материальности замков, сеток, решеток, загорающихся ламп, разворачивается политическое действие. В этой ситуации оказываются важными конкретные расстояния, расположение предметов, сама их предметность, состав, прочность. Политическая практика насыщается материальностью: одни вещи являются преградой и оказывают активное сопротивление, другие, наоборот, «играют на их стороне» – учет и признание и того, и другого жизненно важны.

Другой особенностью является то, что та самая «эйфория» Джеймсона, или *furor* Делеза и Гваттари, появляющаяся в тексте в момент освобождения и бегства, указывает на момент размывания границ стабильной субъектности. Осознающие свое положение лисы и чувствующие вкус свободы норки сливаются в одну стаю с убегающими активистками. Границы изначально заявленного «мы» становятся уже менее определяемыми, так как сам акт и сопутствующие ему напряжение и интенсификация аффектов делают нерелевантным жестко заданные рамки между субъектом, объектом и способом действия, скорее, сплавляя их в общем потоке. Производимое и воспроизводимое в актах репрезентации деление на субъект и объект оказывается избыточным в конкретной ситуации, в которой альянсы и связи между элементами складываются и распадаются случайно и где нет четко маркированных границ, закрепляющих за агентами стабильные и неизменные статусы.

В силу своей сфокусированности на материальности и аффективности ход акции напоминает восстание-карнавал, описание которого можно найти в бахтинском анализе римского орнамента:

Нет тех резких и инертных границ, которые разделяют эти «царства природы» в обычной картине мира: здесь... они смело нарушаются. Нет здесь и привычной статики в изображении действительности: движение перестает быть движением готовых форм – растительных и животных – в готовом же и устойчивом мире, а превращается во внутреннее движение самого бытия, выражающееся в переходе одних форм в другие, в вечной неготовности бытия (Бахтин 1990: 40).

Карнавальное действие высвобождает энергию связей и становления. Таким образом, этот отчет дает возможность представить форму альтернативного политического действия, основанного не на существовании индивидуализированной, нормализованной субъектности, а на аффективности, телесности, материальности, множественности и открытости. Политика зоо-освободительного движения существует вне систем и стандартов эффективности, институционализации и репрезентации: представляя собой модель радикального «квир-протеста» (Кондаков 2013), она развивается в соответствии с иной логикой и предполагает формы жизни, существующие вне бинарных оппозиций.

Заключение

Политическое действие возможно не только на основании предположения о существовании индивидуализированного, стабильного и рационального субъекта, способного действовать самостоятельно или объединяться с другими такими же субъектами ради преследования личных/коллективных интересов. По ту сторону традиционного дискурса о политическом существовании различные формы объединений, в которых участвуют, в том числе, и не-человеческие акторы, действия которых, скорее, основаны на аффектах,

ситуационных сборках и до дискурсивной материальности. Исследование этих альтернативных форм коллективных действий, которое уже осуществляется в некоторых течениях квир-теории (Graham 2004; Lambevski 2004), а также в инспирированной Делезом и Гваттари теории ассамбляжей (De Landa 2006), открывает еще одно измерение политического. Эта новая перспектива, однако, не отменяет и не обесценивает традиционные методы изучения и занятия политикой, но она усложняет наше видение и способы оценивания событий, указывая на их гетерогенность.

Исследование зоо-освободительного движения дает нам возможность разглядеть иные формы политического действия и объединения, выходящие за пределы традиционных субъектоцентричных представлений и концепций. И в этом отношении анализ зоо-освободительного движения может быть важен как для квир-теории и политики, пытающихся найти альтернативу нормативистскому подходу к изучению и описанию политического, так и для других радикальных проектов.

Но вместе с новыми возможностями для экспериментирования, сопротивления и радикального политического воображения на этом пути появляются и новые опасности. Расширение теории и анализа за пределы традиционного субъекта, наделенного стабильной идентичностью и неким ограниченным набором характеристик, может привести к тому, что опыт тех угнетенных групп, для которых коллективная идентичность являлась инструментом борьбы и солидарности, будет становиться все более невидимым и замалчиваемым в потоке текстов и репрезентаций, отделяющих аффективности и ассамбляжи от обозначения чего-то определенного, от какого бы то ни было позитивного содержания (напр., Crenshaw 1991; Halperin 2008).

Другая опасность заключается в том, что поворот к аффективностям и ассамбляжам не открывает исключительно эмансипаторные перспективы. Детерриторизация локализованного, стабильного, индивидуализированного субъекта оборачивается новыми, подвижными, гибкими, ситуативными формами надзора и наблюдения (Deleuze 1992), а гетерогенные ассамбляжи могут включать в себя доминирующие дискурсы и отношения и встраиваться в них (Puar 2007; Rosenberg 2014).

Тем не менее наличие двух противоположных тенденций, двух несовместимых, как представляется, возможностей для (ре)конфигурации практик сопротивления не означает, что мы неизбежно должны искать точки примирения и снятия их противоречивости: само пространство между ними может открывать возможность для маневра, вариативности, смены стратегий и тактик, что в конечном счете может способствовать расширению «репертуара» политических практик и изобретению новых способов их осмысления. Более того, необязательно рассматривать детерриторирующие и детерриторирующие практики как противоположные друг другу. Напротив, трансверсальная линия, проложенная через них, где стабильная идентичность будет не противостоять, но сосуществовать

с десубъективацией, может оказаться способом ускользания от властных стратегий стратификации.

Выражения благодарности

Автор выражает признательность Артемию Магуну и Оксане Тимофеевой за помощь в работе над магистерской диссертацией, некоторые идеи которой были перенесены в данную статью. Также автор искренне признателен Какулее Какулеевне, Александру Кондакову, Дарье Воруйубиваевой, Евгению Шторну, Светлане Паноптиковой и Карлу Градилю, которые читали этот текст на начальном этапе работы и дали ценные советы.

Список источников

- Агамбен Дж. (2011) *Ното Sacer. Суверенная власть и голая жизнь*, М.: Европа.
- Бахтин М. (1990) *Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса*, М.: Художественная литература.
- Делез Ж., Гваттари Ф. (2010) *Тысяча плато: Капитализм и шизофрения*, Екатеринбург: У-Фактория.
- Депант В. (2013) Кинг-Конг теория. *Литературное приложение № 30 к журналу «Остров»*. Пер. с фр. Е. Шторна, М.: Остров.
- Кондаков А. (2013) Новые конфигурации политики после квир-философии Джудит Батлер: протестные движения в России и проблемы их осмысления. *Неприкосновенный запас*, 90 (4): 174–190.
- Маркс К. (1958) Введение (Из экономических рукописей 1857–1858 годов). К. Маркс, Ф. Энгельс (авт.) *Сочинения. 2 изд., т. 12*, М.: Государственное издательство политической литературы: 709–738.
- Фуко М. (2007) *Психиатрическая власть: Курс лекций, прочитанных в Коллеж де Франс в 1973–1974 учебном году*, СПб.: Наука.
- Фуко М. (2006) *Интеллектуалы и власть: Избранные политические статьи, выступления и интервью*, М.: Праксис.
- Харауэй Д. (2005) *Манифест киборгов: наука, технология и социалистический феминизм 1980-х гг.* Доступно по ссылке: <https://clck.ru/9ojDJ> (дата обращения: 13 апреля 2016).
- Barad K. (2012) Nature's Queer Performativity. *Kvinder, Kon&Forskning*, (1–2): 35–53.
- Birke L., Bryld M., Lykke N. (2004) Animal Performances: An Exploration of Intersections between Feminist Science Studies and Studies of Human/Animal Relationships. *Feminist Theory*, (5): 167–183.
- Blaug R. (1999) The Tyranny of the Visible: Problems in the Evaluation of Anti-Institutional Radicalism. *Organization*, (6): 33–56.
- Bryant L. (2011) *The Democracy of Objects*, Ann Arbor: Open Humanities Press.
- Butler J. (1999) *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*, New York: Routledge.
- Crenshaw K. (1991) Mapping the Margins: Intersectionality, Identity Politics, and Violence against Women of Color. *Stanford Law Review*, 43 (6): 1241–1290.
- Dean J. (2016) Enclosing the Subject. *Political Theory Journal*, 44 (3): 363–393.
- Del Gandio J. (2014) Performing Nonhuman Liberation: How the ALF and ELF Rupture the Political Imagination. R. Besel, J. Blau (eds.) *Performance on Behalf of the Environment*, Lanham: Lexington Books: 27–51.

- Deleuze G. (1992) Postscript on the Societies of Control. *October*, (59): 3–7.
- De Landa M. (2006) *A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity*, London: Continuum.
- Directaction (2013 a) Available at: <https://clck.ru/9ojDG> (accessed 13 April 2016).
- Directaction (2013 b) Available at: <https://clck.ru/9ojDV> (accessed 13 April 2016).
- Federici S. (2009) *Caliban and The Witch: Women, the Body and Primitive Accumulation*, New York: Autonomedia.
- Giffney N., Hird M. (2008) Queering the Non/Human. N. Giffney, M. Hird (eds.) *Queering the Non/Human*, Burlington: Ashgate: 1–16.
- Graeber D. (2009) *Direct Action: An Ethnography*, Oakland: AK Press.
- Graham M. (2004) Sexual Things. *GLQ: A Journal of Lesbian and Gay Studies*, 10 (2): 299–303.
- Halperin D. (2008) The Normalization of Queer Theory. *Journal of Homosexuality*, 45 (2/4): 339–343.
- Hribal J. (2010) *Fear of the Animal Planet: The Hidden History of Animal Resistance*, Oakland: AK Press.
- Jameson F. (1984) Postmodernism, or The Cultural Logic of Late Capitalism. *New Left Review*, (146): 59–92.
- Jeffreys S. (1993) *The Lesbian Heresy*, Melbourne: Southwood Press.
- Lambevski S. A. (2004) Movement and Desire: On the Need to Fluidify Academic Discourse on Sexuality. *GLQ: A Journal of Lesbian and Gay Studies*, 10 (2): 304–308.
- Loadenthal M. (2012) Operation Splash Back!: Queering Animal Liberation Through the Contributions of Neo-Insurrectionist Queers. *Journal for Critical Animal Studies*, 10 (3): 81–109.
- Loadenthal M. (2013) The Earth Liberation Front: A Social Movement Analysis. *Radical Criminology*, (2): 15–45.
- Luciano D., Chen M. Y. (2015) Has the Queer Ever Been Human? *GLQ: A Journal of Lesbian and Gay Studies*, 21 (2/3): 183–207.
- Marder M. (2006) Taming the Beast: The Other Tradition in Political Theory. *Mosaic*, 39 (4): 47–60.
- May T. (2013) Humanism and Solidarity. *Parrhesia*, (18): 47–60.
- Nostate (2013) Available at: 325.nostate.net/?p=6867 (accessed 13 April 2016).
- O’Driscoll S. (1996) Outlaw Readings: Beyond Queer Theory. *Signs*, 22 (1): 30–51.
- Pelligrini A., Puar J. (2009) Affect. *Social Text*, 27 (3): 35–38.
- Puar J. (2012) “I would rather be a cyborg than a goddess”: Becoming-Intersectional in Assemblage Theory. *Philosophia*, 2 (1): 49–66.
- Puar J. (2007) *Terrorist Assemblages: Homonationalism in Queer Times*, Durham: Duke University Press.
- Puar J., Rai A. S. (2002) Monster, Terrorist, Fag: The War on Terrorism and the Production of Docile Patriots. *Social Text*, 20 (3): 117–148.
- Puget sound anarchists (2013) Available at: <https://clck.ru/9ojDe> (accessed 20 February 2016).
- Rosenberg J. (2014) The Molecularization of Sexuality: On Some Primitivisms of the Present. *Theory & Event*, 17(2). Available at: <https://clck.ru/9ojDg> (accessed 13 April 2016).
- The Invisible Committee (2004) *The Call*. Available at: <http://zinelibrary.info/call> (accessed 20 February 2016).
- Trinh Minh-ha (ed.) (1986) *She, The Inappropriate/d Other*, Milwaukee: University of Wisconsin-Milwaukee.

**'SOLIDARITY WITH ALL THE TRAINER-KILLERS!':
DE-INDIVIDUALIZATION AND DE-SUBJECTIVATION OF
POLITICS WITHIN THE ANIMAL LIBERATION MOVEMENT**

All too often the analysis of political actions revolves around attempts to determine who is (or who could be) its subject. The basic assumption at the heart of this is that political actors can be defined with sufficient precision. Moreover, these actors, although often considerably different from each other, are still seen to have a common structure – that of the subject, which has always been a human being. The focal point of this article would be to offer a counter-thesis on the existence of forms of political actions that subvert the conception of the subject as its necessary foundation. This phenomenon becomes most clearly perceptible when considering those activist practices that imply the involvement of those who are deprived of subjectivity. The animal liberation movement could provide a rather intriguing case for such an analysis. Drawing on the works of Michel Foucault, Silvia Federici and Jodi Dean in the first part of the article, the author will attempt to outline the genealogy of the modern political subject and demonstrate how the positioning of the subject as a necessary foundation for political actions can prove problematic in emancipatory projects. In the second part, several cases from animal liberation movement are examined by combining the theoretical approaches of Gilles Deleuze and Félix Guattari with queer theory. This analysis enables us to consider political action as a heterogeneous assemblage, which is carried out at different levels, and does not always presuppose the subject as its central figure.

Key words: political subject, emancipatory project, animal liberation movement, queer theory, non-human turn

References

- Agamben G. (2011) *Homo Sacer. Suverennaya vlast' i golaya zhizn'* [Homo Sacer. Sovereign Power and Bare Life], Moscow: Evropa.
- Bakhtin M. (1990) *Tvorchestvo Fransua Rable i narodnaya kultura srednevekovoyai Renaissance* [Rabelais and His World], Moscow: Khudozhestvennaya literatura.
- Barad K. (2012) Nature's Queer Performativity. *Kvinder, Kon&Forskning*, (1–2): 35–53.
- Birke L., Bryld M., Lykke N. (2004) Animal Performances: An Exploration of Intersections between Feminist Science Studies and Studies of Human/Animal Relationships. *Feminist Theory*, (5): 167–183.

Daniil Zhayvoronok – Doctoral Student, European University at Saint Petersburg, Russian Federation. E-mail: dzhajvoronok@eu.spb.ru

- Blaug R. (1999) The Tyranny of the Visible: Problems in the Evaluation of Anti-Institutional Radicalism. *Organization*, (6): 33–56.
- Bryant L. (2011) *The Democracy of Objects*, Ann Arbor: Open Humanities Press.
- Butler J. (1999) *Gender Trouble: Feminism and the Subversion of Identity*, New York: Routledge.
- Crenshaw K. (1991) Mapping the Margins: Intersectionality, Identity Politics, and Violence against Women of Color. *Stanford Law Review*, 43 (6): 1241–1290.
- De Landa M. (2006) *A New Philosophy of Society: Assemblage Theory and Social Complexity*, London: Continuum.
- Dean J. (2016) Enclosing the Subject. *Political Theory Journal*, 44 (3): 363–393.
- Del Gandio J. (2014) Performing Nonhuman Liberation: How the ALF and ELF Rupture the Political Imagination. R. Besel, J. Blau (eds.) *Performance on Behalf of the Environment*, Lanham: Lexington Books: 27–51.
- Deleuze G. (1992) Postscript on the Societies of Control. *October*, (59): 3–7.
- Deleuze G., Guattari F. (2010) *Tsysyacha plato: kapitalizm i shizofrenia* [One Thousand Platons: Capitalism and Schizophrenia], Ekaterinburg: U-Faktoria.
- Despentes V. (2013) *King-Kong teoria. Literaturnoe prilozhenie k zhurnalnu 'Ostrov'* [King Kong Theory. Literary supplement to the journal 'Island'], Moscow: Ostrov.
- Directaction (2013 a) News from the Front Lines. Available at: <https://clck.ru/9ojDG> (accessed 13 April 2016).
- Directaction (2013 b) News from the Front Lines. Available at: <https://clck.ru/9ojDV> (accessed 13 April 2016).
- Federici S. (2009) *Caliban and The Witch: Women, the Body and Primitive Accumulation*, New York: Autonomedia.
- Foucault M. (2007) *Psikhiatricheskaya vlast': Kurslektiy, pročitannykh v Collezh de Frans v 1973–1974 uchebnom godu* [Psychiatric Power: Lectures at the College de France, 1973–74], St. Petersburg: Nauka.
- Foucault M. (2006) *Intellektualy i vlast': Izbrannye politicheskie stat'i, vystupleniya i interv'yū* [Intellectuals and Power: Selected Political Articles, Speeches and Interviews], Moscow: Praksis.
- Giffney N., Hird M. (2008) Queering the Non/Human. N. Giffney, M. Hird (eds.) *Queering the Non/Human*, Burlington: Ashgate: 1–16.
- Graeber D. (2009) *Direct Action: An Ethnography*, Oakland: AK Press.
- Graham M. (2004) Sexual Things. *GLQ: A Journal of Lesbian and Gay Studies*, 10 (2): 299–303.
- Halperin D. (2008) The Normalization of Queer Theory. *Journal of Homosexuality*, 45 (2/4): 339–343.
- Haraway D. (2005) *Manifest kiborgov: nauka, tekhnologiya i sotsyalisticheskij feminizm 1980-kh godov* [The Cyborg Manifesto: Science, Technology, and Socialist-Feminism in the Late Twentieth Century]. Available at: <https://clck.ru/9ojDJ> (accessed 13 April 2016).
- Hribal J. (2010) *Fear of the Animal Planet: The Hidden History of Animal Resistance*, Oakland: AK Press.

- Jameson F. (1984) Postmodernism, or The Cultural Logic of Late Capitalism. *New Left Review*, (146): 59–92.
- Jeffreys S. (1993) *The Lesbian Heresy*, Melbourne: Southwood Press.
- Kondakov A. (2013) *Novye konfiguratsii politiki posle kvir-filosofii Dzhudit Batler: protestnye dvizheniya v Rossii i problemy ikh osmysleniya* [New Political Configurations after Butler's Queer-Philosophy: Protest Movements in Russia and Theoretical Issues]. *Neprikosnovennyi zapas* [Untouchable Store], 90 (4): 174–190.
- Lambevski S. A. (2004) Movement and Desire: On the Need to Fluidify Academic Discourse on Sexuality. *GLQ: A Journal of Lesbian and Gay Studies*, 10 (2): 304–308.
- Loadenthal M. (2012) Operation Splash Back!: Queering Animal Liberation Through the Contributions of Neo-Insurrectionist Queers. *Journal for Critical Animal Studies*, 10 (3): 81–109.
- Loadenthal M. (2013) The Earth Liberation Front: A Social Movement Analysis. *Radical Criminology*, (2): 15–45.
- Luciano D., Chen M. Y. (2015) Has the Queer Ever Been Human? *GLQ: A Journal of Lesbian and Gay Studies*, 21 (2/3): 183–207.
- Marder M. (2006) Taming the Beast: The Other Tradition in Political Theory, *Mosaic*, 39 (4): 47–60.
- Marx K. (1958) *Vvedenie (Iz ekonomicheskikh rukopisey 1857–1858 godov)* [Introduction (Selected Economic Writings from 1857–1858)]. K. Marx, F. Engels (aut.) *Sochineniya. 2 izd. t. 12* [Collected Works, Vol. 12], Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo politicheskoy literatury: 709–738.
- May T. (2013) Humanism and Solidarity. *Parrhesia*, (18): 47–60.
- Nostate (2013) Bristol: Screws Cars Damaged. Available at: 325.nostate.net/?p=6867 (accessed 13 April 2016).
- O'Driscoll S. (1996) Outlaw Readings: Beyond Queer Theory. *Signs*, 22(1): 30–51.
- Pelligrini A., Puar J. (2009) Affect. *Social Text*, 27 (3): 35–38.
- Puar J. (2012) “I would rather be a cyborg than a goddess”: Becoming-Intersectional in Assemblage Theory. *Philosophia*, 2 (1): 49–66.
- Puar J. (2007) *Terrorist Assemblages: Homonationalism in Queer Times*, Durham: Duke University Press.
- Puar J., Rai A. S. (2002) Monster, Terrorist, Fag: The War on Terrorism and the Production of Docile Patriots. *Social Text*, 20 (3): 117–148.
- Puget Sound Anarchists (2013) Available at: <https://clck.ru/9ojDe> (accessed 20 February 2016).
- Rosenberg J. (2014) The Molecularization of Sexuality: On Some Primitivisms of the Present. *Theory & Event*, 17 (2). Available at: <https://clck.ru/9ojDg> (accessed 13 April 2016).
- The Invisible Committee (2004) *The Call*. Available at: <http://zinelibrary.info/call> (accessed 20 February 2016).
- Trinh Minh-ha (ed.) (1986) *She, The Inappropriate/d Other*, Milwaukee: University of Wisconsin-Milwaukee.